

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Е. А. Иванова

Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота?

Исследование практик содержания ребёнка отцами после развода

ИВАНОВА Екатерина Алексеевна — магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: Россия, 191028, Санкт-Петербург, ул. Короленко, 10/3–1.

Email: eivanova@eu.spb.ru

Данная статья представляет результаты исследования практик алиментных выплат, которые осуществляют разведённые отцы в Санкт-Петербурге. Основной исследовательский вопрос — каким образом отцы выплачивают алименты на своих детей после развода? — был сформулирован после изучения количественных данных, демонстрирующих недостаточное участие отцов в содержании детей после развода. Для того чтобы понять, каким образом мужчины реализуют предписания алиментного законодательства на практике, а также чтобы изучить их интерпретации (не)участия в материальном обеспечении ребёнка, было проведено качественное исследование, в процессе которого было собрано 18 интервью с разведёнными отцами.

Исследование показало, что отцы могут реализовывать несколько различных практик алиментных выплат: алименты по суду, неформальные регулярные выплаты, ситуативные выплаты, дарение. При этом информанты необязательно выбирают один способ выплат; чаще они сочетают несколько вариантов, принципиально разграничивая разные деньги. Для интерпретации результатов была использована теория множественных денег В. Зелизер. Взгляд на алименты как множественные деньги позволил выявить различные смыслы, которыми информанты наделяли алиментные выплаты. Так, одни практики становились частью процесса конструирования маскулинности после развода (через сохранение контроля, свободы принимать решения и распоряжаться деньгами); реализация других практик позволяла мужчинам демонстрировать выполнение нормативного долга. Не в последнюю очередь через выплату алиментов отцы проявляют заботу о ребёнке, поэтому в данной работе также была применена концепция «этики заботы» Дж. Тронто, оптика которой позволяет аналитически разделить алименты-как-заботу и формы выплат, несущие в себе другие социальные значения.

Хотя законодательно алименты выплачиваются на ребёнка, их получателем определяется родитель, и в российском контексте в подавляющем числе случаев это именно матери. Такое положение вещей переводит вопрос о выплате алиментов в поле финансовой власти, имеющей гендерное измерение, что позволяет по-другому посмотреть на мотивацию неплательщиков, использующих идеологию «интенсивного материнства» как легитимирующее оправдание для уклонения от выплат.

Ключевые слова: отцовство; маскулинность; алименты; забота; развод; гендер.

Введение

Роль добытчика была и остаётся одной из основных частей маскулинности и важной составляющей отцовской роли во многих странах и культурах [Willott, Griffin 1997; Kay 2006; Bhana, Nkani 2014; Carlson, Edleson 2015; Cheng, Yeoh, Zhang 2015]. И хотя модели и практики нового, более эмоционального и вовлечённого отцовства получают большее распространение [Henwood, Procter 2003; Johansson, Klinth 2008; Авдеева 2012], модель отца как в первую очередь кормильца семьи с нерегулярной вовлечённостью в повседневную заботу всё ещё остаётся нормативной и наиболее распространённой [Doucet 2004; Bryan 2013; Lipasova 2016].

Смыслы материального содержания не сводятся только к заработку средств к существованию. Поддержка в денежной форме несёт ряд значений в разных социальных контекстах: контроль, исполнение социальных норм, забота. Материальное обеспечение может рассматриваться как один из возможных способов быть вовлечённым в воспитание ребёнка [Christiansen, Palkovitz 2001], особенным, специфически маскулинным способом осуществлять заботу [Bhana, Nkani 2014; Bryan 2013]. Тем не менее не любое материальное обеспечение может быть рассмотрено только как проявление заботы. Во многих случаях денежное содержание — это также вопрос контроля и власти, имеющей гендерное измерение [Cheng, Yeoh, Zhang 2015; Ибрагимова 2016; Anderson 2017].

Роль добытчика является не только составляющей отцовской идентичности, но и важной частью статуса мужа. Брак и отцовство составляют часть «набора настоящего мужчины», который является основной гегемонной маскулинности, во всяком случае, в европейской и американской гендерной культуре [Dudova 2006; Tach, Mincy, Edin 2010; Townsend 2010]. Отцы склонны рассматривать брак и семью как единое понятие, и в случае, когда брак прекращается, обязанности, которые мужчины признавали перед семьёй, проблематизируются, переопределяются властные отношения и объекты заботы. Развод обычно приводит к значительным изменениям в практиках физического и материального вовлечения, существенно затрагивает идентичность отцов [Huang 2009; Tach, Mincy, Edin 2010]. Большинство отцов в разных странах чаще всего проживают отдельно от ребёнка после развода, и их практики совместного времяпрепровождения отличаются от повседневных практик заботы, которые реализуют матери [Pasley, Braver 2004; Trinder 2008]. Болезненным становится вопрос о материальном содержании после развода; это особенно заметно по проблеме уклонения от выплаты алиментов, которая до сих пор актуальна для многих стран [Arendell 1992; Dudova 2006; Municio-Larsson, Pujol Algans 2002; Patrick, Cook, Tacket 2007, Гурко 2008].

В России изучение родительства после развода осложняется, как отмечают сами исследователи, отсутствием значимых статистических данных [Захаров 2008; Ржаницына 2012]. При этом, развод является довольно типичным сценарием: в России один из самых высоких коэффициентов разводимости (среди промышленно развитых стран)¹; 58% браков заканчиваются разводом². Данные о распространённости разводов с детьми (последние данные доступны за 2011 г.) показывают, что около половины всех разводов приходится на семьи как минимум с одним ребёнком [Захаров 2013]. При этом не менее 90% детей после развода остаются с матерью [Синявская 2009: 58; Овчарова 2010: 23; Ржаницына 2012: 14].

Данные по алиментным выплатам в зависимости от составления выборки и операционализации понятия «алименты» варьируются довольно значительно. Например, по результатам исследования М. Г. Воронцовой, лишь 12% разведённых матерей в Москве получали алименты на детей [Воронцова 2000], в то время как по данным исследования Л. М. Прокофьевой и М. Ф. Валетас выходит, что более 80%

¹ См. подробнее: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40di.php>

² Рассчитано на данных Росстата за 2017 г.

мужчин исправно выплачивают алименты [Прокофьева, Валетас 2002]. Впрочем, обследования, проведённые по общероссийской выборке (Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе — РиДМиж; Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения — РМЭЗ), дают более свежие и репрезентативные результаты: 30–50% респондентов не получали алиментов на детей; при этом около 50% выплачиваемых сумм не превышали половины прожиточного минимума ребёнка [Синявская 2009: 59–61; Овчарова 2010: 24], или, по другим расчётам, были в два раза ниже нормы выплат по Семейному кодексу РФ [Ржаницына 2015]. Последние исследования также включают данные по разным видам алиментных выплат, которые учитывают алименты по суду, нотариальные соглашения, неформальные договорённости и отдельно — дополнительное содержание (выплаты несколько раз в год) [Синявская 2009: 59–61; Ржаницына 2010; 2012: 18, 27]. Данные разных годов демонстрируют, что вопрос о выплатах чаще решается неформально, а не через суд, и нередко даже устные договорённости отсутствуют [Синявская 2009; Ржаницына 2012]. При этом в российском контексте не так много исследований, построенных на качественной методологии и посвящённых родительству после развода; в особенности — исследований, которые позволили бы интерпретировать разные практики алиментных выплат (и в том числе их отсутствие) [Utrata 2008; Кау 2006; Гурко 2008; 2013; Шевченко 2015].

Данная статья вносит вклад в изучение отцовства после развода и, в частности, в исследование проблемы выплаты алиментов. Исследование основывается на интервью с разведёнными отцами из Санкт-Петербурга и Москвы. Данные качественного исследования позволяют получить описание того, как на практике решаются вопросы о выплате алиментов, а также дают возможность понять, почему отцы выбирают определённые стратегии и практики выплат и почему некоторые из них уклоняются от алиментов. Для интерпретации данных я обратилась к теориям множественных денег В. Зелизер, а также к концепции этики заботы Дж. Тронто. Такая аналитическая оптика позволяет увидеть, каким образом отцы конструируют алименты как множественные деньги и наделяют их различными смыслами, используя некоторые для осуществления отцовской заботы.

Структура статьи построена следующим образом: сначала кратко описывается исторический и правовой контексты алиментов, затем — теоретические подходы, через которые я предлагаю анализировать алиментные практики. Далее я описываю методологию исследования и способы реализации алиментных практик, которые выбирали информанты. Последняя часть посвящена анализу алиментов как множественных денег и рассмотрению смыслов, которые информанты вкладывают в разные типы алиментных выплат.

Алименты: исторический контекст и законодательство

Законные пути решения вопросов о материальном содержании ребёнка, а также другие детали бракоразводного процесса прописаны в действующем Семейном кодексе (СК) РФ от 1995 г. Согласно ему, родители имеют одинаковые права в вопросе о том, с кем останется ребёнок после развода или расставания, предполагающего отдельное проживание одного из родителей. Под алиментами подразумевается любое материальное содержание на несовершеннолетних детей (ст. 80.2 СК РФ), которое необязательно устанавливается через судебное разбирательство.

Существуют три черты алиментного законодательства, которые играют важную роль в организации практик материального содержания детей после развода или расставания.

Во-первых, закон устанавливает принцип первостепенности внесудебных договорённостей. Это означает, что родители законодательно обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, но то, каким образом будут определяться размер и порядок уплаты алиментов, является в первую очередь результатом внесудебных переговоров между родителями (ст. 80.1 СК РФ); любые неформальные договорён-

ности признаются российским законодательством как возможные варианты разрешения финансового вопроса.

В случае если родители не смогли прийти к внесудебному соглашению и родитель, который проживает с ребёнком после развода, подал в суд на взыскание алиментов, они взыскиваются ежемесячно в размере 25% от заработка — на одного ребёнка, 33% от заработка — на двух детей и половины заработка — на трёх детей и более (ст. 81.1 СК РФ) либо в фиксированной денежной сумме.

Во-вторых, право на взыскание алиментов не связано с брачным статусом родителей, так как обязанность выплачивать алименты вменяется родителям независимо от него. Это означает, что в случае, когда отцовство зарегистрировано, родители, которые подают на взыскание алиментов в судебном порядке вследствие развода и распада фактического [незарегистрированного] брака, имеют равные права в суде.

В-третьих, алиментные обязательства юридически представляют собой отношения между родителями несовершеннолетних детей, а не между отцом и ребёнком, так как родители являются законными представителями прав и интересов своих детей в суде (ст. 56.1 СК РФ).

Несмотря на тот факт, что законодательно правила получения алиментов одинаковы для обоих родителей и как женщина, так и мужчина могут подать на взыскание алиментов с проживающего отдельно от ребёнка партнёра, на практике именно отцы чаще всего становятся алиментнообязанными. Этот статус, уже ставший частью образа послеразводного отцовства, закреплялся на протяжении всего советского периода в истории России.

В СССР материнство определялось как гражданский долг женщины, в то время как роль отца была во многом сведена к экономическому обеспечению [Здравомыслова, Темкина 2007]. Такая конфигурация гендерных отношений была выражена в правоприменении: судьи следовали в своих решениях существующим нормам гендерной идеологии, а также провозглашённым приоритетным направлениям государственной политики, то есть рассматривали отцов после развода как алиментоплательщиков. В период действия Кодекса законов о браке, семье и опеке от 1926 г. была обозначена презумпция женской правоты, вследствие которой судьи, принимавшие решения об установлении отцовства и расторжении брака, ориентировались на указания женщины на того, кто приходится отцом ребёнка, и соответственно именно этот человек должен был материально обеспечивать ребёнка: «На этапе построения нового государства и новых гендерных отношений обществу было важнее определить “экономического” отца, то есть того, кто разделит с государством бремя материальной ответственности за ребёнка» [Чернова 2007: 153]. Историк Ш. Фицпатрик в работе «Повседневный сталинизм» придерживается похожей позиции: «По общему мнению советских юристов, поскольку государство на тот момент не обладало достаточными ресурсами для создания системы полного социального обеспечения, семья оставалась для советских граждан основой социального благополучия» [Фицпатрик 2008: 172]. Добиться того, чтобы отцы выплачивали алименты после развода, было в интересах государства. Так, одно из положений «Декрета о браке и семье», принятого в 1917 г., давало возможность устанавливать множественное отцовство и получать материальное содержание на ребёнка от нескольких мужчин (это положение было отменено в Кодексе 1926 г.). Ш. Фицпатрик рассказывает о широкой кампании, которая развернулась на страницах газет с целью принудить «злостных неплательщиков» выплачивать установленное законом содержание на детей [Фицпатрик 2008: 174–176]. В дальнейшем, несмотря на определённую либерализацию закона (Кодекс РСФСР о браке и семье (1969 г.) содержал многие положения, которые унаследовал и современный Кодекс в редакции 1995 г.) и отказ от некоторых статей, дискриминирующих мужчин и отцов, на практике отцовство продолжало оставаться на периферии внимания государства [Чернова 2007: 163] и сводилось к функции материального обеспечения. Вероятно, поэтому,

несмотря на законодательно разрешённую возможность бывшим супругам решать, с кем останется ребёнок после развода, проживание с ребёнком воспринимается как право матери. До настоящего времени доля отцов, которые остаются жить вместе с ребёнком после развода, едва ли составляет 10% [Овчарова 2010]. При этом отцовство по-прежнему не получает такой сильной государственной поддержки, как материнство: отцы остаются невидимыми для российской социальной политики [Кай 2006].

Теоретические подходы к исследованию алиментов

Анализ практик материального обеспечения с помощью категории «забота»

Участие мужчин в заботе о детях часто описывается через понятие «вовлечённость», под которым понимают либо совокупность отдельных практик [Yeung et al. 2001; Craig 2006], либо определённую модель отцовства, предполагающую активное включение отца в процесс осуществления заботы о ребёнке наравне с матерью [Lamb 2000]. При таком подходе модели отцовства рассматриваются как «эволюционно» сменяющие друг друга, и новый тип *вовлечённого* отца в таком случае должен заменить модель отца-добытчика.

Хотя материальное обеспечение ребёнка может рассматриваться как одна из форм вовлечённости отца в заботу о детях [Seltzer 1991; Christiansen, Palkovitz 2001], я нахожу, что простое включение материального содержания в перечень измерений вовлечённости отцов не является эффективным разрешением концептуальных сложностей, так как традиция исследований вовлечённости, скорее, противопоставляет, чем уравнивает, деньги и нематериальную вовлечённость. Для исследования алиментных выплат мне представляется целесообразным обратиться к понятию «забота».

Та деятельность, которая описывается исследователями с помощью категории «забота», обладает своей спецификой: эта категория «неуловима», и её признаки и критерии с трудом поддаются описанию. Это отражается и в определениях, с помощью которых исследователи и теоретики пытаются «ухватить» сущность заботы. А. Хохшильд определяет заботу как «эмоциональные связи и взаимоотношения, которые обычно возникают между тем, кто осуществляет заботу, и тем, о ком заботятся; как обязательство, в соответствии с которым человек, осуществляющий заботу, чувствует себя ответственным за благополучие других и выполняет интеллектуальную, эмоциональную и физическую работу как выражение ответственности» (цит. по: [Чернова 2013: 52]). Большинство исследований, применяя понятие «забота» для описания рутинных практик, концентрируется на физической стороне проявления заботы. Однако, возможно, в тех случаях, когда непосредственный физический контакт невозможен, субъекты заботы не перестают меньше заботиться — они стараются передать те смыслы, которые вкладывают в заботу в процессе взаимодействия, с помощью других доступных им средств, например через финансовую поддержку [Parreñas 2002].

Говоря о материальном обеспечении детей, необходимо также учитывать, что содержание детей (включая алиментные платежи после развода) является не только добровольным выражением родительской заботы; эта обязанность вменяется родителям юридически (в России она зафиксирована в Семейном кодексе, ст. 80). Государство заинтересовано в надлежащем исполнении этой обязанности: понятия «ответственное родительство» и «ответственное отцовство» создаются и активно используются социальной политикой для артикуляции и поощрения «правильных» практик родительства (см., например: [Шпаковская 2013; Randles 2018]). Поэтому «ответственное отцовство», являясь ценностно-нагруженным понятием и выражая в большой степени идеологию и желаемую модель [Doherty, Kouneski, Ericson 1998], не всегда помогает в анализе реальных практик отцовства и повседневного понимания отцовской ответственности.

Одной из концепций, которая позволяет рассматривать материальное обеспечение как одновременно заботу и ответственность, является этика заботы Дж. Тронто [Tronto 1993]. В работе «Moral Boundaries. A Political Argument for an Ethic of Care» («Границы морали. Политическая аргументация в защиту этики заботы»). Дж. Тронто предложила типологию различных форм заботы, включив в неё не только рутинные ежедневные практики, но и заботу в форме обеспечения ресурсами и институциональными возможностями. Дж. Тронто определяет заботу предельно широко, как «деятельность, которая включает всё, что мы делаем для поддержания, продолжения и восстановления нашего “мира” для того, чтобы мы могли жить в нём настолько благополучно, насколько это возможно. Этот мир включает наши тела, наши “я”, наше окружение» [Tronto 1993: 103]. Дж. Тронто развивает концепцию этики заботы, которая представляет собой совокупность принципов, постоянно воплощаемых в практиках заботы, и состоит из нескольких взаимосвязанных фаз. Одной из них является фаза *taking care of* (нести ответственность за, отвечать за, обеспечивать), которая соответствует принципу ответственности как одному из элементов этики заботы. Хотя принципы этики заботы не привязаны к конкретному — женскому или мужскому — опыту, Тронто тем не менее отмечает гендерное измерение заботы (наряду с классовым, расовым и др.). И если рутинные практики физической заботы связаны с женским опытом и женской работой, то забота в форме «нести ответственность за» (часто выражаемая в обеспечении ресурсами и возможностями) относится в большей степени к легитимному мужскому способу осуществления заботы.

Тронто также требует понимания заботы как одновременно деятельности и предрасположенности к заботе, интенции [Tronto 1993: 105]. Для Дж. Тронто материальное обеспечение может рассматриваться как забота в форме обеспечения ресурсов, но только в том случае, если деньги выделены именно с целью осуществления заботы, то есть субъект осознаёт, какая именно сумма необходима и на что она может быть потрачена. Подход Тронто предлагает уделять внимание контексту реализации заботы, принимать во внимание субъективную интенцию человека осуществлять заботу, что позволяет аналитически разграничивать внешне схожие практики, которые в разных обстоятельствах могут на самом деле как представлять собой форму заботы, так и не являться ею [Jordan 2018]. Однако, несмотря на такое переосмысление категории заботы, она все ещё редко применяется для анализа практик отцовства [Elliott 2016; Jordan 2018].

Вслед за Д. Тронто, под заботой в данном исследовании понимаются деятельность и социальные отношения, которые основываются на принципах этики заботы. Таким образом, забота может включать как физическую и эмоциональную вовлечённость, так и материальное обеспечение, как рутинные телесные практики, так и организацию, предоставление ресурсов. Такое понимание заботы позволяет, с одной стороны, включить измерение ответственности в анализ практик и, с другой стороны, акцентировать внимание на вовлечённости «по желанию», а не «по принуждению». Я использую категорию заботы для описания некоторых практик материального содержания детей, осуществляемых разведёнными отцами.

Концепция множественных денег В. Зелизер и социальное конструирование алиментов

Для анализа различных форм алиментных выплат, а также отношений, возникающих вокруг их осуществления, применялась концепция множественных денег В. Зелизер. Согласно этой концепции, люди постоянно создают множественные деньги через символическое производство, которое происходит путём целевого предназначения и распределения уже существующих денежных средств [Зелизер 2004: 66].

Для того чтобы «обозначить» деньги, люди применяют сложные механизмы целевого распределения денег, среди этих механизмов — обозначение источников, из которых получены деньги, и конкретных

потребителей, которым предназначаются целевые деньги, а также ограничение способов их использования. По мнению В. Зелизер, люди тщательно разрабатывают механизмы контроля над деньгами и их целевого распределения, особенно в обстоятельствах, касающихся щекотливых и сложных форм взаимодействия [Зелизер 2004: 61].

Для того чтобы показать, каким образом люди наделяют смыслом денежные трансферты в процессе социальных отношений, В. Зелизер выделяет несколько способов организации денежных отношений: оплата (или компенсация), наделение правом на долю денежных средств (*entitlement*) и дарение (*gift*) [Zelizer 1996]. Под оплатой (или компенсацией) понимается прямой равноценный обмен, который предполагает определённую дистанцированность, торг между сторонами и подотчётность в отношении расходования средств. Наделение правом пользования деньгами предполагает серьёзные притязания на власть и автономию в той сфере, где разворачиваются отношения. Дарение как способ распределения денег представляет собой безвозмездный акт передачи средств, который, однако, может формировать отношения неравенства между дарителем и получателем.

Несколько исследователей уже применяли теорию В. Зелизер для исследования алиментов. Так, Дж. Брэдшоу, К. Стимсон, К. Скиннер и Дж. Уильямс исследовали отцов в Великобритании, не проживающих с детьми после развода [Bradshaw et al. 2002]. Исследователи показали, что алименты могут наделяться множеством смыслов, которые зависят от конкретной ситуации и взаимоотношений с бывшей супругой. В первую очередь выплаты алиментов являлись для разведённых отцов способом символически передать свои любовь, заботу и внимание детям, и для мужчин было значимым, чтобы тот вклад, который они делают с помощью алиментов, был видимым для ребёнка. Так как отцы-нерезиденты не могут отдавать деньги на содержание непосредственно детям, они делают это через бывшую супругу. При этом отцы подчёркивают целевое предназначение денег, а именно на нужды ребёнка, и определяют роль матери исключительно как посредника. Тем не менее мать как посредник становится важной фигурой, потому что она может нивелировать то символическое значение заботы, которое отцы приписывают своим выплатам, и делать усилия, прикладываемые отцом для содержания ребёнка, незаметными для самого ребёнка.

Обеспечивая выплату алиментов, отцы требуют от матерей выполнения обязательств с их стороны (доступ к ребёнку, сохранение доверительных отношений, поддержания интересов отца в отношении денежных расходов). При выполнении этих условий отец наделяет бывшую супругу легитимным правом требовать алименты. В таких случаях отцы описывают выплаты по алиментам в терминах долга и как часть общей ответственности за воспитание ребёнка. В противном случае мужчины отказываются принимать алиментные требования как легитимные и могут уклоняться от выплат.

Исследователи также отмечают отдельную графу расходов — неформальную поддержку, представляющую собой подарки, покупку одежды, оплату развлечений и образовательных активностей. Мужчины маркируют такую поддержку как особые деньги, которые не являются обязательствами или материальной ответственностью, но представляют собой часть активных взаимоотношений между отцом и ребёнком. Деньги и вещи, выделяемые отцом в виде неформальной поддержки, по приписываемому символическому значению принципиально отличны от того, что отцы маркируют как материальное содержание.

Австралийские исследователи К. Наталиер и Б. Хевитт также применили концепцию целевого предназначения денег для исследования алиментных выплат [Natalier, Hewitt 2010; 2014]. Эти авторы уделяют особое внимание диалектике контроля над расходованием денег между родителями, и, по их мнению, маркирование алиментов как целевых денег усиливает важность вклада отца, а также позволяет поднять вопрос о легитимном использовании этих денег матерями. С позиции отца, алименты как целевые

деньги являются *ego* деньгами и должны тратиться только на нужды ребёнка. Утверждая своё видение легитимного расходования алиментов, мужчины стараются сохранить контроль над деньгами. При этом К. Наталиер и Б. Хевитт рассматривают контроль над расходованием алиментов не как инструмент для защиты интересов ребёнка, а как черту гегемонной маскулинности.

К. Наталиер и Б. Хевитт также используют разделение на различные способы организации выплат, которое вводит в своей работе В. Зеллизер. По мнению К. Наталиер и Б. Хевитт, алименты представляют собой смещение способа финансового обеспечения от дарения к наделению матери правом требовать алименты и распоряжаться этими деньгами. Авторы утверждают, что переход от дарения к наделению правом проблематизируется мужчинами именно потому, что предполагает потерю контроля и делегирование матери права принятия решений о расходах. Кроме того, для авторов дарение в меньшей степени связано с безвозмездной основой трансфертов и символическим выражением заботы. К. Наталиер и Б. Хевитт акцентируют внимание на неравенстве в позициях дарителя и получателя и сохранении контроля над деньгами в руках дарителя (так как именно он решает, когда и какую сумму выделить).

Наталиер и Хевитт подвергают более глубокому анализу делегитимацию отцами права матери требовать алименты. По мнению авторов, мужчины пытаются вернуть контроль над распределением финансов через суждения о том, насколько легитимно мать расходует алименты. Аргументацию для таких суждений мужчина находит в идеологии «интенсивного материнства». Выдвигая суждения о том, насколько потребление матери соответствует нуждам ребёнка (*child-centered consumption*), мужчина апеллирует к соответствию и (или) несоответствию женщины образу «хорошей матери». По мнению авторов, потеря контроля при вынужденном переходе от одной формы денежных выплат к другой может являться основанием для, по крайней мере, дискурсивного оправдания отказа от выплаты алиментов.

Методология исследования

Данная статья представляет результаты исследования способов материального содержания, которые реализуют российские отцы после развода. Отправной точкой данной работы стал небольшой проект, осуществлённый в 2014 г., о материальном положении разведённых матерей. Изучая экономические стратегии матерей после развода, я заметила, что в перечне ресурсов, которые женщины оценивают как значимые для материального благополучия ребёнка, алименты нередко занимают далеко не первую позицию. Более того, некоторые отметили отсутствие каких-либо выплат вообще, а другие описывали нерегулярные и незначительные платежи, на которые было сложно положиться как на регулярный источник дохода. Я использовала это исследование как пилотажное для формулирования вопроса и гипотез в новом исследовании.

При исследовании практик алиментных выплат использовались полуструктурированные интервью. Всего было собрано 18 интервью с разведёнными отцами; полевой этап работы осуществлялся в 2015–2016 гг. Из числа респондентов 16 человек проживали в Санкт-Петербурге, двое мужчин были из Москвы. Доступ к полю был непростым, поэтому выборка складывалась стихийно, и это затрудняло контроль социально-экономического профиля информанта.

Возраст информантов: 31–45 лет, со средним возрастом 35 лет. Браки информантов были разной продолжительности, как и период после развода. Возраст детей, которые остались от брака, также был различным: самому младшему ребёнку было 2,5 года на момент расставания, тогда как самому старшему — 16 лет. Несмотря на то что забота о детях, которые находятся в разных возрастных категориях, осуществляется по-разному, значительной разницы, которая не позволила бы проводить сравнение, не было. В нарративах всех мужчин можно было найти схожие сюжеты, интерпретации и практики.

Большинство информантов имеют высшее образование, и лишь несколько человек получили среднее специальное в техникуме. Жилищный вопрос был решён более или менее успешно у всех информантов, поэтому после развода все они проживали отдельно от своих бывших супругов. Все информанты сохранили контакты с детьми в той или иной форме. В 15 случаях из 18 дети на момент интервью постоянно проживали с матерью; в одном случае ребёнок жил практически равное количество времени у отца и у матери; в двух случаях дети проживали с отцами, при этом сразу после развода дети остались с матерью, а потом постепенно перебрались к отцу. В выборку не вошли представители низкоресурсных групп; отцы, проживающие на одной территории с бывшей супругой; отцы, отсудившие детей у супруги, и некоторые другие случаи.

Важным для исследования являлся вопрос трактовки брачного статуса. В данном исследовании неформальный брак приравнивался к официально зарегистрированному. Во-первых, сами информанты не придавали большого значения различию между зарегистрированным и фактическим браками. В некоторых случаях мужчины, согласившиеся принять участие в исследовании и определявшие себя как разведённых отцов, оказывались всё ещё формально состоявшими в браке; в других случаях имел место фактический брак. Во-вторых, для темы исследования, которое заключается в изучении материального содержания, статус брака не имеет значения, так как алиментные выплаты по суду законодательно связаны не с браком, а с фактом установленной отцовства. Вопросы о неформальных выплатах и общении с ребёнком решались схожим образом независимо от статуса брака. Два интервью были проведены по скайпу, остальные — при личной встрече. В среднем интервью длилось один час. Разговор записывался на диктофон и затем транскрибировался. Перед интервью информанты самостоятельно заполняли паспортную форму.

Рекрутирование информантов осуществлялось через социальную сеть «ВКонтакте». Таким образом, в мою выборку попали только те отцы, которые проявили желание участвовать в исследовании и инициативно отозвались на объявление с описанием проекта. Некоторых из них мне удалось найти при помощи техники снежного кома, то есть информанты соглашались предложить своим знакомым поучаствовать в моём исследовании. Однако в большинстве случаев метод снежного кома оказался бесполезным: несмотря на то что в процессе интервью все информанты упоминали много знакомых разведённых мужчин, при просьбе предложить участие в исследовании их друзьям большинство отказывалось это сделать. Ссылки на друзей и знакомых говорят нам о типичности опыта, а отказы предложить своим друзьям поучаствовать в исследовании — вероятно, о чувствительности тематики.

Алименты на ребёнка: как и сколько?

Результаты качественного исследования позволяют прояснить, как на практике работают законодательные нормы и как отцы платят алименты на детей после развода.

Все отцы, которые приняли участие в данном исследовании, материально поддерживали детей после развода, однако суммы алиментов и сами способы осуществления выплат различались. Самой распространённой формой материального обеспечения среди информантов оказались *регулярные ежемесячные неформальные выплаты*. Эти выплаты основывались на неформальной договорённости между бывшими супругами, без посредничества суда и юридического закрепления условий и взаимных обязанностей, что является легальной, прописанной в законе возможностью. Именно эту форму выплат информанты чаще всего называют алиментами.

Информанты говорили о разных суммах алиментов — в интервью назывались 30 тыс., 20 тыс., 15 тыс. и 10 тыс. рублей в месяц. Не все мужчины соглашались назвать точную сумму выплат, предпочитая определять её относительно доходов или расходов. Так, например, один из информантов отметил, что

сразу после развода отдавал супруге 50% своей зарплаты, но затем сократил выплаты до 30%, а другой информант оплачивал ежемесячную аренду квартиры для проживания бывшей супруги с ребёнком. Суммы неформальных алиментов в среднем были выше алиментов, выплачиваемых по суду, и для многих алименты были ощутимой частью их бюджетов. Многие информанты для удобства делали наличный перевод на банковскую карту бывшей супруги.

Сумму неформализованных выплат информанты определяли сами. Отцы по-разному решали вопрос о количестве денег. Некоторые признавались, что им было сложно оценить, какая сумма может считаться достаточной для неформальных алиментов. В основном они руководствовались несколькими ориентирами при выборе оптимальной суммы. В одних случаях мужчины брали за основу расчётов официальную цифру, привязывая выплаты к норме права алиментных выплат, то есть приблизительно рассчитывали сумму, которая составляла около 25% от реальной зарплаты. В других случаях отцы использовали для расчётов некоторую конкретную потребность или совокупность потребностей бывшей семьи или ребёнка. Так, один из отцов выплачивал сумму, равную стоимости квартиры, которую снимала бывшая супруга с ребёнком. Другой отец рассчитал сумму всех трат, которые осуществляются на пятилетнего ребёнка, и поделил эту сумму на две части, ожидая равного участия бывшей жены. Примечательно, что при расчёте сумм информанты не обращались к матери ребёнка, которая во всех случаях, кроме одного, была основным заботящимся родителем, за советом о сумме, которая требовалась для удовлетворения нужд ребёнка. В тех случаях, когда бывшая супруга была недовольна суммой алиментов, это не приводило к пересмотру выплат, хотя, как видно из интервью, мужчины обычно были осведомлены о претензиях бывших жён.

Ещё одной неформальной формой выплат, используемой информантами, были ситуативные траты, то есть конкретные суммы денег выплачивались отцами на конкретные покупки. Это не самостоятельные покупки, которые делает отец; обычно именно мать выступает инициатором, сообщая отцу, какие именно вещи необходимы ребёнку на данный момент и какая сумма для этого нужна. Эти практики требуют довольно высокого уровня вовлечённости в заботу о ребёнке и относительно стабильных отношений с бывшей супругой. В перечень ситуативных трат входят расходы на покупку одежды, школьных принадлежностей, мебели, на поездки в отпуск, оплата репетиторов. Среди информантов четверо отцов отметили, что реализуют такую форму материальной поддержки. При этом в нескольких случаях ситуативные платежи осуществлялись одновременно с ежемесячными неформальными выплатами, и для мужчин было принципиальным разграничивать эти два типа содержания. Один из информантов к моменту интервью начал выплачивать алименты по недавно вынесенному судебному решению, но также продолжил давать деньги на ситуативные расходы.

Алименты, присуждённые по решению суда, выплачивали только четверо информантов, однако практически в каждом интервью было высказано мнение насчёт такого варианта. Типичными оказались рассказы о стратегии минимизации алиментных выплат через перевод большей части зарплаты «в конверт»; один информант признался, что использовал эту стратегию. Алименты по суду были существенно меньше неформальных выплат, в интервью назывались суммы в 3000–5000 рублей.

Следует также отметить, что многие информанты оказывали материальную поддержку в форме непосредственных покупок вещей, а также подарков. Очень часто отцы выбирали дорогостоящие подарки — компьютеры, планшеты, фотоаппараты, велосипеды и другой даже машину, поэтому такой вклад был существенным с материальной точки зрения.

Результаты исследования показывают, что разведённые отцы реализуют несколько форм материальной поддержки детей, при этом они склонны использовать их одновременно, при этом часто отказываясь просто суммировать эти выплаты. Создание алиментов как множественных денег связано с различны-

ми смыслами, которыми наделяется материальное содержание на ребёнка, а также с теми значениями, которые позволяют передавать разные стратегии алиментных выплат.

Алименты как множественные деньги: маскулинность, власть и забота

Анализ интервью через призму концепций, описанных выше, позволил выделить следующие характеристики алиментных платежей:

- в подавляющем большинстве случаев информанты определяли выплаты на ребёнка как целевые деньги. Чертами алиментов в качестве целевых денег являются их оценка как средств, которые принадлежат информанту и остаются *его* деньгами даже после передачи их бывшей супруге, а также их направленность на удовлетворение нужд ребёнка;
- выплаты на ребёнка представляют собой множественные деньги. В интервью были выявлены разнообразные практики выплат. Многие мужчины реализовывали конфигурацию практик, осуществляя материальное содержание несколькими способами. Эти конфигурации были устойчивыми, и, несмотря на то что деньги предназначались для одного получателя — ребёнка, информанты сохраняли разделение между разными практиками.

При анализе символического означивания алиментов, как и повседневных практик выплат и формирования договорённостей по поводу содержания детей, необходимо иметь в виду, что эти деньги являются *гендерно маркированными* [Cook, Natalier 2013]. Они наделяются значением внутригендерного порядка, в котором мужчина нормативно объявляется добытчиком и субъектом, обладающим финансовой властью [Ибрагимова 2016; Anderson 2017; Ashwin, Isupova 2018]. После развода бывшая супруга больше не является частью семьи, на которую распространяется одно из ключевых требований успешной маскулинности — способность материально обеспечивать своих «домашних», — но при этом во многом остаётся посредником для обеспечения заботы о ребёнке, требование к содержанию которого сохраняется в «наборе настоящего мужчины»:

Я отношусь к алиментам так: мужик — если грубо — мужик бабе ничего не должен. Вообще ничего. Он должен ребёнку. Это — согласен полностью. Но зачастую у нас женщины подаю на алименты, типа, мне должен мужчина. Это я слышу везде и всегда <...> И мужчина, опять же, женщине не должен за ребёнка платить. Он должен НА ребёнка платить. С этим согласен (Фёдор, № 9)³.

Это нормальный, естественный процесс для любого мужчины: содержать чужую самку ни один самец не хочет (Олег, № 18).

Интересный пример рассуждений такого рода — позиция одного из информантов по организации покупки продуктов. Когда бывшая супруга идёт за продуктами, поясняет он, она должна складывать в корзинку продукты отдельно: те, которые предназначаются для неё, и те, которые предназначаются для сына, и оплачивать их таким образом, чтобы иметь два чека; так можно проконтролировать, что алиментные деньги тратятся только на нужды ребёнка.

Государство усиливает позицию матери, через алиментное законодательство наделяя её правом на долю денежных средств бывшего супруга. Такое наделение властью, санкционируемое и поддерживаемое принудительной силой государства, ограничивает возможности контроля отцов за деньгами и

³ Цифрой здесь и далее обозначены номера интервью; основные характеристики информантов см. в таблице П.1.

их распределением. В то же время государство предоставляет возможность родителям самостоятельно решить вопрос о том, в какой форме будут выплачиваться алименты. Выбор варианта алиментных выплат, таким образом, становится для отца способом поиска компромисса между правовым требованием, моральным долгом и сохранением гендерной власти и контроля.

Алименты по суду: переопределение финансовой власти

Этот тип алиментных выплат является тем показателем, который чаще всего фигурирует в статистических данных, и на его основании делаются выводы о практиках выплат алиментов в стране. С точки зрения баланса между различными смыслами и властью алименты, присуждённые по решению суда, оказываются самой нежелательной формой «целевых» выплат для информантов. Среди информантов только четверо отцов сталкивались с алиментами по суду на своём опыте. При этом большинство мужчин в процессе интервью высказывали своё мнение и объясняли, почему они выбрали альтернативный вариант, или делились опытом своих друзей и знакомых.

Алименты по суду представляют собой способ материального содержания, который оценивается негативно большинством мужчин. Высказываясь об официально присуждённых алиментах, информанты описывали их как «обязаловку» и «контрибуцию», как средство принуждения и отсутствие кооперации между родителями:

У меня она (Мысль об алиментах по суду. — Е. И.) не возникала, потому что я всё-таки продолжаю сохранять иллюзию насчёт того, что между нами сохраняется определённый уровень доверия какой-то (Алексей, № 1).

Алименты были у нас добровольные <...> Это её моральные принципы. Она не хочет быть такой... таким отрицательным персонажем... которая подаёт на бывшего на алименты (Сергей, № 6).

Метафоры и объяснения, которые разведённые отцы используют для демонстрации своего отношения к алиментам по суду, акцентируют внимание на принципе *добровольности обеспечения ребёнка*, который подразумевает сохранение за мужчиной власти определять содержание ребёнка после развода, а также наделять бывшую супругу моральным правом получать денежное содержание. Однако в законодательной процедуре взыскания только родитель, проживающий с ребёнком, может инициировать делопроизводство и подать на алименты (второй партнёр не может подать на взыскание алиментов с самого себя). Кроме того, принудительное взыскание алиментов по суду предполагает денежные трансферты в форме наделения правом, что подразумевает неравные отношения между бывшими супругами, где женщина получает больше власти над расходованием алиментов, а мужчина фактически лишается контроля за деньгами:

Здесь вопрос именно судебного разбирательства. Я — сторонник честного договора с обязательным выполнением, обоюдным. Это вопрос, лежащий в рамках этической психологии. Со мной честно — я честно. Нет — значит, кушайте то, что хотели. (В рамках судебной системы) сделать так, чтобы я получал отчёты за свои финансы невозможно, конечно. Куда они будут уходить, я не знаю (Олег, № 18).

Случаи выплат алиментов по суду в моём исследовании можно разделить на два типа: (1) когда мужчины рассматривали заявления бывших супругов как легитимные и (2) когда они отказывались признавать их таковыми. В зависимости от отношения информантов, они выбирали разные стратегии по осуществлению назначенных выплат.

В трёх случаях из четырёх женщины самостоятельно приняли решение о взыскании алиментов и либо известили бывшего супруга уже после подачи заявления, либо не объявили о своём решении лично, предоставив бывшему мужу узнать о нём из повестки в суд. В одном из случаев алименты по суду были выбором самого информанта-мужчины: он попросил супругу подать в суд на взыскание алиментов.

В тех ситуациях, когда женщины были инициаторами формализации алиментов, только в одном случае бывшая супруга подала на алименты вместе с заявлением на развод. Для двух других заявление было реакцией на невыполнение информантами определённых обязательств: один из информантов не давал деньги на содержание ребёнка; другой перестал выплачивать кредит, который он обещал погасить после развода. Таким образом, алиментное право даёт матерям возможность обходить требования и условия, которые ставит отец по поводу получения содержания, что в определённой степени лишает его части контроля над «его» деньгами.

Однако, будучи легальным способом получения содержания от отца ребёнка, алименты по суду не всегда легитимированы самими отцами. Если, по мнению мужчин, бывшие супруги не разделяют их взгляда на алименты как целевые деньги, то мужчины могут отказать бывшим супругам в легитимации их права требовать деньги через суд. Согласно концепции Дж. Брэдшоу, содержание, которое мужчины не признают легитимным, перестаёт определяться в терминах «долга» и «ответственности» за благополучие ребёнка. В таком случае мужчины могут реализовывать стратегии по возвращению части контроля над «их» деньгами, и эти стратегии могут идти в противоречие с идеей материального благополучия ребёнка.

Одним из способов переопределения контроля является сокрытие доходов. Это довольно распространённая стратегия минимизации алиментов, о которой рассказывают мужчины:

В случае судебного разбирательства я пошёл бы на принцип и отдавал бы ровно столько, сколько требуется по закону. Официальная зарплата у меня 8000 (Олег, № 18).

Многие информанты упоминали эту практику в рассказах об опыте своих знакомых, но среди отцов-информантов только двое применяли её.

Один из них, Валерий (№ 16), после развода выплачивал алименты по суду в размере 20 тыс. рублей на двоих детей. Через полгода его бывшая супруга подала новый иск на возмещение части суммы, потраченной на отдых с детьми. Валерию это требование показалось избыточным; кроме того, он заподозрил, что она включает в эти деньги расходы не только на нужды детей. Тогда Валерий перевёл часть зарплаты «в конверт». После этого сумма его официальных алиментов составила около 5000 рублей на одного ребёнка.

В другом случае Дмитрий (№ 8) фактически не выплачивал алименты по суду, но всё равно применил стратегию минимизации выплат как «превентивный удар», так как бывшая супруга подала на алименты, но в итоге решила не относить исполнительный лист на работу к информанту. Рассказывая об этом, информант использует метафоры, называя поведение бывшей супруги террористической опасностью и угрозой, от которых он был вынужден защищаться, прибегнув к стратегии сокрытия доходов.

Валентин (№ 12) рассматривает сам способ формализованных выплат как возможную стратегию минимизации материального обеспечения: выплачивая алименты только с официальной зарплаты и не включая в алименты деньги из дополнительных источников дохода, информант больше денег сохраняет для новой семьи:

Валентин. *А я смотрю на свою зарплату и понимаю, что у меня в будущем сейчас вот семья и думаю: блин!.. А потом я поговорил со своей нынешней женой, и она сказала: чего ты скупишься, говорит? Будут алименты — и хорошо!*

Интервьюер. *Почему хорошо?*

Валентин. *Потому что формально всё. Взял алименты — и всё, давай. Актёры все живут на халтуре. На неучтённый доход, на самом деле <...> И, как бы, по сути, я на это живу.*

В тех случаях, когда информанты признавали легитимность требований супруги при взыскании алиментов по суду, они по-другому формировали процесс выплат. После развода Фёдор (№ 9) обещал бывшей супруге, что, кроме денег на содержание ребёнка, он также выплатит кредит, который в браке взял на её имя. В течение нескольких месяцев Фёдор не вносил деньги, и бывшая жена подала иск на взыскание алиментов. Она обосновала своё действие тем, что ей нужна финансовая гарантия в случае, если Фёдор перестанет вносить деньги за кредит вообще. Несмотря на своё негативное отношение к алиментам по суду, Фёдор согласился с таким обоснованием супруги, легитимировав, таким образом, её требования. Он продолжил выплачивать деньги на ребёнка по неформальной договорённости, договорившись с бывшей супругой о том, что, как только он выплатит кредит, они попробуют отменить судебное решение.

В другом случае, когда алименты воспринимались как легитимная форма требования материального содержания на ребёнка, информант — Анатолий (№ 5) — сам был инициатором такого решения. Он подчёркивает, что есть стандартная процедура и стандартная, установленная законом сумма, которую он честно выплачивает тоже стандартным путём. В данном случае алименты по суду можно описать как стратегию формализации отношений, которая оказалась успешным способом разрешения моральных и инструментальных вопросов, касающихся суммы и способа её передачи, то есть возможностью решить проблему, «не решая для себя какую-то ситуацию»; «если не знаешь, как действовать, то действуй по уставу». Важно отметить, что и в этом случае алименты по суду воспринимались информантом как стратегическое решение, направленное против потенциальных злоупотреблений властью со стороны бывшей супруги, при которых мужчина может остаться «в дураках»: Анатолий (№ 5) упоминает истории о бывших жёнах, которые получали неформальные алименты, а затем требовали якобы невыплаченные деньги через суд, и мужчины не могли доказать факт неофициальных выплат.

Таким образом, можно отметить, что отцы стараются уклониться от выплаты алиментов в тех случаях, когда они не готовы признать требования бывшей супруги по вопросам материального содержания ребёнка легитимными. Легитимация обычно обосновывается уверенностью отца в том, что бывшая супруга разделяет его представление об алиментах как целевых деньгах. Однако в не меньшей степени негативное отношение к алиментам по суду связано с переопределением власти и контроля над деньгами. С помощью административных уловок, перевода зарплаты «в конверты» и находя дополнительные неофициальные подработки, мужчины снова переопределяют контроль над деньгами в свою пользу. В тех же случаях, когда мужчины признают право бывших жен на взыскание алиментов, формализованные выплаты могут стать приемлемым способом материального содержания ребёнка.

Неофициальные алименты по договорённости как исполнение нормативной ответственности

Самой распространённой формой алиментов среди информантов были ежемесячные выплаты, сумма которых основывалась на неформальных договорённостях между бывшими супругами. Вариант неформализованных регулярных выплат рассматривался как более предпочтительный по сравнению с алиментами по суду, и именно он предполагался по умолчанию во всех исследуемых случаях.

Неформальные алименты наделяются несколькими чертами, которыми обладают официальные алименты, назначенные судом. Во-первых, это регулярность и относительно устойчивая сумма. Во-вторых, ориентация на алиментное право при решении о том, какая сумма является достаточной. В-третьих, неформальные алименты воспринимаются как легитимные обязательства по обеспечению ребёнка в не меньшей мере, чем алименты по суду.

В то же время неофициальные алименты имеют важное отличие от алиментов по суду — неформальный характер. Их называют неформальными договорённостями, и фактически они представляют собой договорённости без договора. При такой форме выплат именно мужчины сохраняют значительный контроль над алиментами. Он сам, исходя из собственного понимания своих возможностей и потребностей ребёнка, решает, какую сумму будет выплачивать. Так, иногда описание суммы вербализовалось в форме: *«Договорились, что буду платить, сколько смогу»* (Владислав, № 11). Также отец всегда оставляет за собой возможность изменить эту сумму в зависимости от жизненных обстоятельств. Устойчивость суммы полностью зависит от решения мужчины, поэтому иногда регулярная сумма становится крайне нерегулярной.

Сумму неформализованных выплат отцы, участвующие в исследовании, определяли сами. В одних случаях мужчины брали за основу расчётов официальную цифру, привязывая неформализованные выплаты к норме права алиментных выплат: мужчины приблизительно рассчитывали сумму, которая составляла около 25% от реальной зарплаты. В других случаях отцы использовали для расчётов конкретную потребность или совокупность потребностей бывшей семьи и (или) ребёнка, определяя самостоятельно, какая потребность подходит для ориентира, за некоторым исключением. Бывшая супруга могла быть согласна с выбранной суммой, но в тех случаях, когда женщины не были довольны той долей содержания, которую выплачивал бывший супруг, их мнение не влияло на изменение суммы.

Ориентиры при выборе суммы различались у информантов и зависели от понимания достаточной суммы. Например, Артём (№ 14) выплачивает содержание, которое составляет половину его зарплаты, так как не хочет, чтобы уровень жизни детей снизился из-за развода. Дмитрий (№ 8) тоже осуществляет неформальные выплаты, которые он выплачивает раз в год, и их сумма настолько мала, что он отказался называть её, лишь упомянул, что она не дотягивает до 25% от «белой» зарплаты (большая часть зарплаты в его случае была целенаправленно переведена «в конверт», так как супруга собиралась подавать на алименты в суд). Алексей (№ 1) назвал такую стратегию минимизации суммы моральной сделкой: некоторые отцы оправдывают себя выплатой формализованных и (или) низких алиментов, балансируя между категориями плательщика и неплательщика алиментов.

Многие информанты с течением времени по собственному усмотрению уменьшали суммы выплат. Это было связано с изменениями их жизненных обстоятельств: новый брак, рождение другого ребёнка, кредиты, смена работы. При этом мужчины ставили бывшую супругу перед фактом снижения выплат, не интересуясь, каким образом эти изменения скажутся на обеспечении ребёнка. В большинстве своём они также не оценивали экономические возможности бывших жён вкладывать равную долю материального обеспечения ребёнка после развода. При этом три информанта определили себя основными кормильцами в браке, а два других — были единственными кормильцами, то есть их жёны на протяжении замужества не работали вообще. Так как никто из информантов не оформлял договорённости нотариально, единственной санкцией, которая может грозить отцу при отказе от неформальных алиментов, является обращение в суд на взыскание алиментов.

Алименты по договорённости позволяют отцам одновременно сохранять контроль над деньгами, самостоятельно принимать решение о выплатах и их суммах и демонстрировать выполнение правового и морального отцовского долга по содержанию своих детей. Такая модель алиментов сохраняет характер

добровольности выплат, и ежемесячные платежи рассматриваются многими информантами как добровольный и достаточный вклад в воспитание и благополучие детей, что позволяет многим отцам оценивать себя как нормальных, и даже хороших. Этому способствует и тот факт, что критерии хорошего отцовства до сих пор во многом фокусируются именно на значимости материального содержания, и, согласно этим критериям, высоко оценивается даже минимальный уровень отцовской вовлечённости в заботу, а модели хорошего разведённого отца всё ещё плохо описаны в культуре [Иванова 2017; Utrata 2008]. Также, по классификации В. Зелизер, алименты по договорённости позволяют организовать денежные отношения в формате прямой оплаты (или компенсации), а не в форме одностороннего наделения правом, как происходит в случае алиментов по суду. Однако чаще всего на практике алименты не являются равноправным договором между сторонами, так как матери, как правило, не имеют действительно эффективно работающих инструментов для санкций в случае нарушения неформального договора со стороны отца (например, при изменении суммы выплат без обсуждения). Иначе говоря, такая форма выплат оставляет отцам большую власть над деньгами.

Алименты по договорённости слабо связаны с вовлечённостью в заботу о ребёнке. Выплаты не зависят от того, насколько отцы довольны возможностью участия в жизни детей, а также их отношениями с бывшими супругами, а суммы выплат не всегда соотносятся с реальными потребностями детей. Связь между осуществлением и (или) отказом от выплат и тем, насколько мать предоставляет отцу возможность видеться с ребёнком, не проявилась в интервью, как ожидалось, принимая во внимание результаты, полученные в других исследованиях [Bradshaw et al. 2002; Leite, McKenry 2002]. Так, Брэдшоу описала связь выплат и контактов отца с ребёнком через обмен стабильных выплат на возможность общаться с ребёнком. Однако в случае моих информантов такая связь не была выявлена. Хотя все информанты на момент интервью могли видеться с ребёнком, некоторые из них были недовольны количеством встреч и своими возможностями в отношении ребёнка, но при этом продолжали платить. Например, Сергею (№ 6) даже пришлось обращаться в суд для восстановления своего права на общение с ребёнком, так как жена под различными предлогами не позволяла ему видеться с пятилетней дочерью. Но даже в течение нескольких месяцев, когда Сергей не видел ребёнка, он продолжал платить алименты. В то же время Юрий (№ 3), чья бывшая супруга не чинила препятствий для контактов с детьми, оставался очень вовлечённым отцом на протяжении всех лет после развода, но не выплачивал алименты бывшей супруге.

Согласно концепции этики заботы Дж. Тронто, сама по себе такая форма алиментов не является заботой. Скорее, содержание через неформализованные выплаты представляет собой осуществление *нормативной* ответственности, которую мужчина принимает добровольно, он отказывается от неё, если условия выполнения обязательств его не удовлетворяют. Такая форма денежных отношений сохраняет за мужчиной свободу выбора и принятия решений, что является важным для конструирования маскулинности [Vach 2017]. Тем не менее регулярные выплаты всё-таки воспринимаются информантами как *нормативная ответственность*: это хорошо иллюстрируют интервью с отцами, которые были недовольны частотой встреч или отношением с бывшей супругой, но продолжали исправно выплачивать алименты.

В тех случаях, когда информанты действительно хотели в большей степени контролировать расходы, а также быть более вовлечёнными в заботу о ребёнке, они предпочитали осуществлять содержание через практику ситуативных выплат.

Ситуативные алиментные выплаты как практика добровольной вовлечённости в заботу о ребёнке

Под ситуативными выплатами я понимаю такие практики содержания, которые предполагают выплату конкретных сумм на конкретные покупки. Реализация ситуативных выплат подразумевает осведом-

лённость о конкретных нуждах ребёнка и более чёткое понимание того, какая сумма будет потрачена на какие покупки. Такие практики требуют довольно высокого уровня вовлечённости в заботу о ребёнке и относительно стабильных отношений с бывшей супругой. В перечень ситуативных трат, как уже отмечалось, входят расходы на покупку одежды, школьных принадлежностей, мебели, расходы на поездки в отпуск, оплата репетиторов.

Среди информантов несколько разведённых отцов реализовывали эти практики. Для Анатолия (№ 5) это были дополнительные расходы, которые он выплачивал по своему желанию наравне с формализованными алиментами. Для него было принципиальным выплачивать деньги в виде ситуативных платежей, а не добавлять регулярную сумму к алиментам. В период, когда зарплата Анатолия была «серой», он самостоятельно высчитывал 25% от своей реальной зарплаты и переводил недостающую сумму бывшей супруге на карточку. При этом он также делал ситуативные выплаты. Как только его зарплата снова стала полностью официальной, он перестал доплачивать недостающую сумму, но система ситуативных выплат не изменилась. Анатолий определяет эти траты как дополнительные деньги, которые он выдаёт по собственному желанию, а не по вменяемой ему обязанности по содержанию ребёнка.

Для Алексея (№ 1) также важно было выделять дополнительную сумму денег сверх ежемесячных платежей. Такие ситуационные выплаты делали алименты более персонифицированными, лучше передавали смысл материального обеспечения как заботы:

Я решил для себя: есть зарплата, есть формальности, где чётко прописано, кто, кому, что должен. Соответственно я буду платить то, что положено, плюс немножко сверху. Когда немножко с корочкой, то... как-то льстишь себе: ах, какой я молодец. То есть я делаю всё, что положено, плюс бонус от себя лично. Я именно так воспринимаю эти суммы: 25% — это просто не мои деньги. Они мне не принадлежат. Вот это то, что я обязан, в любом случае, при любом раскладе, это не моё. А то, что сверху, — это как бы от меня, лично от меня (Алексей, № 1).

Олег (№ 18) также разделяет расходы на ребёнка на два типа. Он выплачивает бывшей супруге ежемесячную сумму, утверждённую в нотариально заверенном договоре. В его понимании, эти деньги представляют собой необходимый минимум для основных расходов на еду, образование и медицину, которые он контролирует через отчётность по чекам. Дополнительные ситуативные платы — на развлечения и игрушки — должны обсуждаться с ним в каждом отдельном случае:

Я просто спросил: сколько надо? Мне была названа сумма, я её не обсуждал, столько — значит столько. Извините, но только на определённые цели. И под отчёт. То есть питание, образование и медицина ребёнка, ну, одежда там — это мой ребёнок, и я его содержу, естественно. Всё остальное — там походы в кино, в «Макдональдс» там, игрушки и прочее — либо за свой счёт, либо по согласованию (Олег, № 18).

Для Фёдора (№ 9) ситуативные выплаты были единственным способом алиментных выплат, которые также предназначались на крупные покупки. Дочь проводила примерно одинаковое количество времени в доме матери и отца, поэтому Фёдор не выдавал супруге регулярную сумму денег на повседневные нужды, так как подразумевалось, что они тратят одинаковое количество времени и денег на ребёнка. Для Анатолия и Фёдора принципиальным правилом было эгалитарное распределение сумм ситуативных выплат: любые расходы они делят пополам с бывшей супругой:

Мы со Светой (Бывшая супруга Фёдора. — Е. И.) так и договорились, что ребёнок пополам. В плане денег, ну, никогда наличкой не давал. И с ребёнком в итоге решили так, что, допустим, наступает сезон, осень. Ботиночки надо купить. Пожалуйста, сколько стоит? Два

рубля? Вот тебе рубль. Или, там, я куплю, или она купит. И вот она говорит, что стоит два рубля — 2000 стоит, — вот... пожалуйста. Вот, курточка там нужна — 3000 <...> Естественно, она что-то покупает сама, не будем же мы по каждой ерунде... Но я тоже покупаю ребёнку что-то. Мы приехали на дачу, мы поехали на рынок. Она там: «Ой, юбочка». Ну, я, естественно, куплю ей эту юбочку и не буду звонить Свете: «Знаешь, я тут 500 рублей потратил». Ну, чушь какая-то. Но именно официальные, принципиальные сезоны мы обсуждаем, она половину — я половину (Фёдор, № 9).

Те информанты, которые реализовывали практики ситуативных выплат, были активно вовлечены в процесс принятия решений об удовлетворении нужд ребёнка. Хотя мать ребёнка остаётся менеджером расходов, иницируя покупки и извещая о необходимых тратах бывшего супруга, отцы занимают активную позицию в решении вопросов о содержании ребёнка: вместе с бывшей супругой они постоянно обсуждают необходимые покупки, рассчитывают суммы выплат и распределяют их между собой. Такая практика содержания требует кооперации родителей в вопросах заботы о ребёнке:

Вот, она мне звонит. Вот это надо купить... вот на это деньги нужно. Например, у нас школа сейчас 7000 стоит. Это курсы перед школой. Мы договорились, что 3500 каждый платит, и соответственно она купила ботинки, заплатила за фотографии. Она говорит: «Давай, я за это сейчас заплачу». И мы просто математически поделили, что за школу я плачу в этом месяце 5500, а она 1000. Потому что она там заплатила. Ну, вот такие вещи... (Фёдор, № 9).

При осуществлении ситуативных выплат мужчина обладает большим контролем над своими ресурсами, так как он не только решает, выплачивать ему деньги или нет, но также чётко представляет, на что будет расходоваться эта сумма.

Интервьюер. А вот те деньги, если ты даёшь на ребёнка, ты как-то контролируешь, они действительно идут на ребёнка?

Фёдор (№ 9). Не, ну я же даю постфактум. Я же вижу, что у Кати ботиночки новые, туфельки новые. Конечно, как бы да... Тут такой момент. Свете там обманывать тоже нет смысла. То есть, вот, она пришла, вот купила...

Анатолий (№ 5) подчёркивает добровольность такого способа содержания ребёнка: на мой вопрос, всегда ли супруга *требует* его участия в крупных покупках, он, поправив меня, сказал, что она *просит* его об участии. Анатолий (№ 5) также указал на то, что он выдаёт деньги только тогда, когда согласен с предметом расходов. Он привёл пример отказа от выплат, когда бывшая супруга предложила ему отдать их ребёнка в коммерческий детский сад, расходы на который информант посчитал чрезмерными и неоправданными. В то же время он подчеркнул, что это был единственный случай отказа.

Ситуативные выплаты представляют собой один из вариантов практик обеспечения ребёнка при посредничестве матери. Они могут наделяться различным символическим значением в зависимости от того, использует ли информант эти выплаты как альтернативу формализованным и неформализованным алиментам или воспринимает их как дополнительные деньги. В первом случае ситуативные выплаты представляют собой практики содержания ребёнка, которые характеризуются значительным участием отца в заботе о ребёнке, а также большей возможностью контроля над расходованием средств. Во втором случае ситуативные выплаты оцениваются как дополнительные деньги, которые отец выдаёт на обеспечение ребёнка сверх обязательной суммы, демонстрируя с помощью алиментных выплат свою заботу о ребёнке.

Дарение как осуществление заботы

Особую форму поддержки, которую отцы отделяют от алиментов, я, вслед за В. Зелизер, буду называть дарением. Под дарением я понимаю любые не вписанные в алиментные выплаты расходы на ребёнка, которые осуществляют разведённые отцы с целью выразить заботу и любовь в отношении ребёнка.

Дарение часто реализуется в овеществлённом виде, но я также отношу к этой категории и денежные выплаты: оплату различных детских поездок, мероприятий и карманные деньги. Переданные в форме дарения деньги также являются целевыми, но их символическая значимость отличается от обычного содержания: главным становится выражение заботы и любви через покупку вещей и оплату развлечений. Все информанты в той или иной форме реализовывали практики дарения, и их осуществление не было связано с тем, выплачивал ли отец алименты бывшей супруге.

Практики дарения оказываются не только выражением заботы и отцовских чувств. Они также становятся частью процесса организации и осуществления заботы. Так, Анатолий (№ 5) отметил, что велосипед и роликовые коньки он подарил дочкам с целью совместных прогулок и занятий спортом. Фёдор (№ 9) купил телефон своей дочке, чтобы она всегда могла связаться с ним в тот период, когда остаётся у матери.

Практики дарения являются важной частью общения информантов с детьми. Этому способствует модель вовлечённости, которая характерна для многих разведённых отцов. Информанты видятся с детьми один-два раза в неделю. Обычно эти встречи проходят по выходным, а когда дети становятся старше и если позволяют жилищные условия, дети остаются у отца на все выходные. Такое расписание встреч далеко от повседневной вовлечённости в заботу, которую имеют отцы, живущие в семье, и информанты понимают это:

Есть люди, есть такие знакомые, которые больше проводят времени с детьми... и больше каких-то обучающих вещей... там ещё каких-то. Я больше по течению всё-таки плыву. А поскольку общения с ребёнком существенно меньше, чем у мамы, ну, я, конечно, обычно какие-то развлечения: в кино сходить, погулять, покататься на роликах. То есть ребёнок к тебе приехал, а ты ему: завтрак приготовь, посуду убери, ванну помой. Странно было бы это встретить в жизни, да (Анатолий, № 5).

Для многих отцов расходы на подарки и развлечения являются обязательной частью их встреч с ребёнком, особенно в тех случаях, когда ребёнок был дошкольного и младшего школьного возраста, поэтому иногда практики дарения сложно отделить от материальных практик и организации заботы.

Ребёнок в тот момент, я помню, когда я стал приезжать, папа — праздник. С папой можно сходить в кино, папа что-то обязательно купит, с папой можно как-то прекрасно провести время (Пётр, № 2).

Я старался дочке всегда что-то новенькое покупать. Мы с ней сначала гуляли в основном. Потом ходили в эти... в развлекательные центры, там детские, в «Гранд Каньоне». На бабутье, ей очень нравилось (Сергей, № 6).

Деньги, потраченные в процессе осуществления или для выражения заботы, не являются альтернативой алиментным выплатам. Это не материальное обеспечение нужд ребёнка, а расходы на возможность оставаться вовлечённым в заботу о ребёнке после развода. Практики дарения часто остаются невидимыми расходами, но их необходимо учитывать, так как нередко это значительные траты на спортивный

инвентарь, на оплату поездок в летние лагеря, на покупку техники, автомобиля и др., сопоставимые с суммами алиментов.

Стоит отметить, что не всегда практики дарения действительно являлись выражением заботы. В некоторых случаях подарки были редкими и демонстративными и при отсутствии иной денежной помощи и общения помогали, скорее, поддерживать образ хорошего отца:

Без меня это ей невозможно получить, какие-то дорогие эти подарки и так далее. Я вот обожаю делать эффекты яркие, внезапно, без намёка. И вот это... придёт она, коробку откроет — я представляю, что будет. До этого фотоаппарат, ну, не в смысле профессиональный, а какой-то. До этого ещё такого же плана. Эти, ну, там, 5000 рублей. Хоккей, там, заказал мне ребёнок. «Купи, — говорит (Бывшая супруга. — Е. И.), — хоккей, ребёнок мечтает». Я говорю: «Ладно». Настольный привёз, огромную коробку. Опять же, для меня это непременно совершенно (Дмитрий, № 8).

Также дарение не всегда является практикой безвозмездного обмена. Некоторые отцы используют подарки для того, чтобы влиять на поведение детей и контролировать их воспитание в обход мнения матери [Иванова 2017].

Идеология «интенсивного материнства» как основа для легитимирующих оправданий алиментных практик

Из-за ограничения в возможности определять алименты как целевые деньги на основаниях, которые устанавливают сами мужчины, а также в связи с тем, что именно мать является законным получателем выплат, алименты как форма содержания ребёнка после развода в целом проблематизируются многими мужчинами:

И в 98% случаев алименты воспринимаются как контрибуция, которую либо мужчина платит женщине, либо женщина воспринимает как контрибуцию и старается получить алименты не потому, что ей надо содержать ребёнка, а потому, что надо с него, козла, содрать побольше (Пётр, № 2).

Объясняя своё негативное отношение к алиментам, многие мужчины выражали обеспокоенность *неправильным* расходованием алиментов. В первую очередь для них это означало, что бывшая супруга будет расходовать деньги на собственные нужды, ущемляя интересы ребёнка. В интервью отцы делились «страшилками» о бывших жёнах, которые растрачивали алименты, предназначенные детям, на любовников и развлечения. Такие истории упоминали многие информанты, и хотя обычно они происходили не с ними, а с друзьями друзей или были почерпнуты из интернет-форумов, они служат ориентирами для формирования стратегии действий после развода.

«Неправильным» расходованием денег несколько информантов обосновали своё решение не выплачивать алименты совсем или минимизировать выплаты:

А вот финансово я всё меньше и меньше им давал денег. Всё меньше и меньше... Меня ещё не устраивает, как она тратит деньги. Я не мог это контролировать. Я вообще... Я в шоке. Вот сейчас она поехала в Индию, на месяц, или на сколько... Понимаешь. А у Стёпки, у него как бы учебный год. Я не понимаю, как это. Я не понимаю, как так можно. Ну, у меня не укладывается это в голове: как? А я понимаю также, что, например, вот сейчас вот... Я такой, я еврей. Я деньги всё-таки чуть-чуть считаю. Я получил сейчас очень большую премию. И когда

я получаю премию, и, допустим, мне на карточку приходит, и я прихожу в бухгалтерию, и мне говорят: «Распишитесь». Я должен расписываться за гораздо большую сумму, чем я получаю. Я говорю: «А чего такое?» Они говорят: «Так это ж алименты!» И получается, что, если я очень хорошо поработал, получил офигенную премию, деньги уехали — и они сейчас поехали в Индию! Меня вообще это не устраивает!» (Валентин, № 12).

Допуская, что встречаются ситуации, в которых есть реальные основания усомниться в адекватности расходов, в данном исследовании случаи уклонения от алиментов говорят нам о стратегиях перераспределения власти и контроля больше, чем о структуре семейного бюджета. Так, только один информант на момент проведения интервью использовал формализованный метод контроля за расходованием алиментов: он оформил нотариальный договор и требовал предоставлять отчётность по чекам. Также двое отцов отказались делать ежемесячные выплаты, ссылаясь на подозрения в неправильном расходовании денег, но только один из них взамен стал самостоятельно делать крупные покупки, что позволило ему контролировать расходы. Впрочем, бывшая супруга информанта в интервью с ней призналась, что эти расходы часто не обсуждались с ней и не всегда отражали реальные потребности детей. Следуя Брэдшоу, допустимо предположить, что в некоторых случаях такого рода суждения могут служить легитимирующими оправданиями для неуплаты алиментов, благодаря которым мужчины, не выплачивающие содержание, сохраняют свою моральную репутацию.

Вместо конкретных мер по контролю за расходованием алиментов мужчины в интервью прибегали к идеологии *интенсивного материнства*. Согласно этой идеологии, единственной положительной моделью хорошего материнства является концентрация всех сил и ресурсов, особенно материальных, на нуждах и интересах ребёнка, включая активное потребление дорогих детских товаров. Аргументация, построенная на этой идеологии, использовалась некоторыми информантами для объяснения отсутствия какого-либо контроля с их стороны за своими выплатами:

Она из тех мам, которых называют «сумасшедшая мамочка», и своему ребёнку всегда даёт только лучшее (Сергей, № 6).

У меня не возникало даже намёков на подобные мысли (О неправильном расходовании денег. — Е. И.). Она хорошо зарабатывала и очень долго зарабатывала сильно больше меня. Поэтому она на ребёнка... Ну, и она, такая, поскольку это её первый ребёнок, она к ребёнку относится очень так... трепетно. Первый и единственный. Поэтому она, конечно... Я никогда не считал, но я уверен, что она тратит денег на ребёнка больше, чем я (Анатолий, № 5).

На той же идеологии построена и для легитимации отказа в выплате содержания на ребёнка напрямую супруге:

Это была моя принципиальная позиция, что никаких денег на какие-то расходы и, вообще, жене в руки я давать не буду по нескольким причинам <...> Потому что у неё на тот момент был какой-то загибающийся бизнес, который она там спасала, она там сама готова была всё сделать <...> И я не очень себе представлял, как я на тот момент давал ей денег <...> Давать деньги ей, ну, вообще совершенно бессмысленно <...> Даже те деньги, которые были, до детей не доходили (Юрий, № 3).

Апелляция к идеологии интенсивного материнства позволяла некоторым отцам облачать в морализующие аргументы причины, которые могут быть в большей степени связаны с нежеланием (или с невозможностью) одинаково обеспечивать ребёнка от первого брака и новую семью, а также с нежеланием признавать легитимность права бывшей супруги на часть их доходов.

Заключение

Исследование материального содержания детей после развода в Санкт-Петербурге и Москве показывает, что алименты представляют собой набор практик, которые отцы наделяют различными смыслами. Я предлагаю рассматривать алименты как целевые деньги, определяемые отцами как «свои» средства, которые могут быть потрачены только на нужды ребёнка. Кроме того, алименты также представляют собой множественные деньги: отцы выбирают определённый способ выделения денежных средств на содержание ребёнка в зависимости от того, какими смыслами они наделяют эти денежные трансферты. Хотя материальное содержание является одним из способов осуществлять и демонстрировать заботу о ребёнке, не все алиментные практики оказываются одновременно и практиками заботы: некоторые из них больше представляют собой отношения власти в гендерном измерении. Выбирая разные способы алиментных выплат, отцы, участвующие в исследовании, (пере)определяют властные отношения, демонстрируют лояльность социальным нормам, конструируют маскулинность и, конечно, проявляют заботу о ребёнке.

Исследование показало, что, несмотря на различные способы выплаты алиментов, а также на законное право родителя, проживающего с ребёнком (обычно это именно матери), требовать алименты в принудительном порядке через суд, в целом власть принимать решения о деньгах после развода остаётся за женщиной; матери оказываются в более уязвимой позиции и не имеют эффективных механизмов влияния на решения о материальных выплатах. Однако отцы, если они хотят оставаться вовлечёнными в воспитание ребёнка в большей степени, чем это ожидается от него в условиях существующего гендерного порядка, сталкиваются с трудностями; часть из них связана с организацией совместного времени с ребёнком и приводит к расходам, которые нередко остаются невидимыми.

Дальнейшее изучение родительства после развода, в частности отцовства, и практик алиментных выплат, позволит внести вклад в несколько направлений исследований. Во-первых, это изучение положения отцов после развода в России. Являясь невидимыми для социальной политики, разведённые отцы практически не представлены также в российских исследованиях. Нам мало известно о связанных с их вовлечённостью в воспитание детей проблемах, с которыми сталкиваются мужчины после развода. Во-вторых, контекстуализация отцовской заботы позволяет обратить внимание на взаимосвязь практик заботы и маскулинности и исследовать более подробно, в каком контексте забота подрывает, а в каком усиливает модель гегемонной маскулинности [Jordan 2018]. В-третьих, исследование отцовства после развода вносит вклад в исследование российского гендерного порядка в целом, позволяя увидеть, каким образом разные гендерные контракты изменяются после развода.

Приложение

Таблица П.1

Основные характеристики информантов

№ интервью	Имя информанта	Возраст информанта (полных лет)	Количество лет в браке	Количество детей в браке и возраст ребёнка на момент развода (полных лет)
1	Алексей	37	8	1 (11)
2	Пётр	40	11	1 (4)
3	Юрий	43	10	2 (10 и 11)
4	Антон	36	12	1 (8)
5	Анатолий	42	4 (первый брак), 3 (второй брак)	2 (4 и 3), в разных браках
6	Сергей	33	3	1 (3)
7	Никита	45	10	1 (10)
8	Дмитрий	42	5	1 (1,5)
9	Фёдор	33	13	1 (4)
10	Илья	40	10	1 (8)
11	Владислав	45	13	2 (9 и 11)
12	Валентин	31	7	1 (5)
13	Игорь	43	8	1 (6)
14	Артём	46	20	2 (15 и 18)
15	Александр	31	7	1 (3)
16	Валерий	42	14	2 (9 и 13)
17	Влад	30	7	1(7)
18	Олег	37	8	1 (5)

Литература

- Авдеева А. В. 2012. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*. 11: 95–104.
- Воронцова М. Г. 2000. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? *Социологические исследования*. 11: 145–148.
- Гурко Т. А. 2008. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения. *Социологические исследования*. 9: 110–120.
- Гурко Т. А. 2013. Отцовство в молодых семьях и после развода. В сб.: Гурко Т. А. (отв. ред.). *Актуальные проблемы родительства в России*. М.: Институт социологии РАН; 52–72.
- Захаров С. В. 2008. Браки и разводы. В кн.: Вишневский А. Г. (отв. ред.). *Население России. 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад*. М.: Изд. дом ВШЭ; 71–97.
- Захаров С. В. 2013. Распространённость разводов «с детьми». *Демоскоп Weekly*. 545–546 (4–17 марта). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php>

- Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 2007. Советский этакратический гендерный порядок. В сб.: *Российский гендерный порядок: социологический подход*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; 96–137.
- Зелизер В. А. 2004. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Дом интеллектуальной книги; Изд. дом ВШЭ.
- Ибрагимова Д. Х. 2016. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы. *Экономическая социология*. 17 (2): 116–145. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/04/01/1126456877/ecsoc_t17_n2.pdf#page=116
- Иванова Е. А. 2017. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 20 (5): 132–150.
- Овчарова Л. Н. (отв. ред.) 2010. *Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований*. Вып. 211. М.: Независимый институт социальной политики.
- Прокофьева Л., Валетас М.-Ф. 2002. Отцы и их дети после развода. *Социологические исследования*. 6: 111–115.
- Ржаницына Л. С. 2010. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности. *Социологические исследования*. 7: 56–65.
- Ржаницына Л. С. 2012. *Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей*. М.: ИЭ РАН.
- Ржаницына Л. С. 2015. Улучшение положения детей в разведённых семьях. *Социологические исследования*. 3: 65–69.
- Синявская О. В. (отв. ред.) 2009. *Семья в центре социально-демографической политики. Сборник аналитических статей*. М.: Независимый институт социальной политики.
- Фицпатрик Ш. 2008. *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город*. М.: РОССПЭН.
- Чернова Ж. В. 2007. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания. В сб.: *Российский гендерный порядок: социологический подход*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 138–169.
- Чернова Ж. В. 2013. *Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Шевченко И. О. 2015. Ситуация после развода: отцы и дети. *Социологические исследования*. 3: 70–77.
- Шпаковская Л. Л. 2013. Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 1: 236–248.

- Anderson N. L. 2017. To Provide and Protect: Gendering Money in Ukrainian Households. *Gender & Society*. 31 (3): 359–382.
- Arendell T. 1992. After Divorce: Investigations into Father Absence. *Gender & Society*. 6 (4): 562–586.
- Ashwin S., Isupova O. 2018. Anatomy of a Stalled Revolution: Processes of Reproduction and Change in Russian Women's Gender Ideologies. *Gender & Society*. 32 (4): 441–468.
- Bach A. S. 2017. The Ambiguous Construction of Nondominant Masculinity: Configuring the «New» Man through Narratives of Choice, Involved Fatherhood, and Gender Equality. *Men and Masculinities*. doi: [10.1177/1097184X17715494](https://doi.org/10.1177/1097184X17715494)
- Bhana B., Nkani N. 2014. When African Teenagers Become Fathers: Culture, Materiality and Masculinity. *Culture, Health & Sexuality*. 16 (4): 337–350.
- Bradshaw J. et al. 2002. *Absent Fathers?* London: Routledge.
- Bryan D. M., 2013. To Parent or Provide? The Effect of the Provider Role on Low-Income Men's Decisions about Fatherhood and Paternal Engagement. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. 11 (1): 71–89.
- Carlson J. A. M., Edleson J. L. 2015. Becoming a Good Father: The Developmental Engine of First-Time Fatherhood. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. 13 (3): 182–202.
- Cheng Y. A., Yeoh B. S. A., Zhang J. 2015. Still «Breadwinners» and «Broviders»: Singaporean Husbands, Money and Masculinity in Transnational Marriages. *Gender, Place & Culture*. 22 (6): 867–883.
- Christiansen S. L., Palkovitz R. 2001. Why the «Good Provider» Role Still Matters Providing as a Form of Paternal Involvement. *Journal of Family Issues*. 22 (1): 84–106.
- Cook K., Natalier K. 2013. The Gendered Framing of Australia's Child Support Reforms. *International Journal of Law, Policy and the Family*. 27 (1): 28–50.
- Craig L. 2006. Does Father Care Mean Fathers Share? A Comparison of How Mothers and Fathers in Intact Families Spend Time with Children. *Gender & Society*. 20 (2): 259–281.
- Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. 1998. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and the Family*. 60 (2): 277–292.
- Doucet A. 2004. «It's Almost Like I Have a Job, but I Don't Get Paid»: Fathers at Home Reconfiguring Work, Care, and Masculinity. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. 2 (3): 277–303.
- Dudova R. 2006. Old Obligations in the Modern World: The Father as Provider Before and After Divorce. *Czech Sociological Review*. 42 (3): 573–590.
- Elliott K. 2016. Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept. *Men and Masculinities*. 19 (3): 240–259.

- Henwood K., Procter J. 2003. The «Good Father»: Reading Men's Accounts of Paternal Involvement During the Transition to First-Time Fatherhood. *British Journal of Social Psychology*. 42 (3): 337–355.
- Huang C. C. 2009. Mothers' Reports of Nonresident Fathers' Involvement with Their Children: Revisiting the Relationship between Child Support Payment and Visitation. *Family Relations*. 58 (1): 54–64.
- Johansson T., Klinth R. 2008. Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions. *Men and Masculinities*. 11 (1): 42–62.
- Jordan A. 2018. Masculinizing Care? Gender, Ethics of Care, and Fathers' Rights Groups. *Men and Masculinities*. URL: <https://doi.org/10.1177/1097184X18776364>
- Kay R. 2006. *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* London: Routledge
- Lamb M. E. 2000. The History of Research on Father Involvement: An Overview. *Marriage & Family Review*. 29 (2–3): 23–42.
- Leite R. W., McKenry P. C. 2002. Aspects of Father Status and Postdivorce Father Involvement with Children. *Journal of Family Issues*. 23 (5): 601–623.
- Lipasova A. 2016. Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*. 15 (4): 202–214.
- Municio-Larsson I., Pujol Algans C. 2002. Making Sense of Fatherhood: The Nonpayment of Child Support in Spain. In: Hobson B. (ed.) *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and Social Politics of Fatherhood*. Cambridge: Cambridge University Press; 191–212.
- Natalier K., Hewitt B. 2010. «It's Not Just About the Money»: Non-Resident Fathers' Perspectives on Paying Child Support. *Sociology*. 44 (3): 489–505.
- Natalier K., Hewitt B. 2014. Separated Parents Reproducing and Undoing Gender Through Defining Legitimate Uses of Child Support. *Gender and Society*. 28 (6): 904–925.
- Parreñas R. S. 2002. The Care Crisis in the Philippines: Children and Transnational Families in the New Global Economy. In: Ehrenreich B., Hochschild A. R. (eds). *Global Woman Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. New York: Henry Holt and Company; 39–54.
- Pasley K., Braver S. L. 2004. Measuring Father Involvement in Divorced, Nonresident Fathers. In: Day R. D., Lamb M. E. (eds) *Conceptualizing and Measuring Father Involvement*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 217–240.
- Patrick R., Cook K., Taket A. 2007. Multiple Barriers to Obtaining Child Support: Experiences of Women Leaving Violent Partners. *Just Policy: A Journal of Australian Social Policy*. 45: 30–37.
- Randles J. 2018. «Manning Up» to be a Good Father: Hybrid Fatherhood, Masculinity, and US Responsible Fatherhood Policy. *Gender & Society*. 32 (4): 516–539.
- Seltzer J. A. 1991. Relationships between Fathers and Children Who Live Apart: The Father's Role after Separation. *Journal of Marriage and the Family*. 53: 79–101.

- Tach L. Mincy R., Edin K. 2010. Parenting as a «Package Deal»: Relationships, Fertility, and Nonresident Father Involvement Among Unmarried Parents. *Demography*. 47 (1): 181–204.
- Townsend N. 2010. *Package Deal: Marriage, Work and Fatherhood in Men's Lives*. Philadelphia: Temple University Press.
- Trinder L. 2008. Maternal Gate Closing and Gate Opening in Post Divorce Families. *Journal of Family Issues*. 29 (10): 1298–1324.
- Tronto J. C. 1993. *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. London: Psychology Press.
- Utrata J. 2008. Keeping the Bar Low: Why Russia's Nonresident Fathers Accept Narrow Fatherhood Ideals. *Journal of Marriage and Family*. 70 (5): 1297–1310.
- Willott S., Griffin C. 1997. «Wham Bam, am I a man?»: Unemployed Men Talk about Masculinities. *Feminism & Psychology*. 7 (1): 107–128.
- Yeung W. J. et al. 2001. Children's Time with Fathers in Intact Families. *Journal of Marriage and Family*. 63 (1): 136–154.
- Zelizer V. A. 1996. Payments and Social Ties. *Sociological Forum*. 11 (3): 481–495.

DEBUT STUDIES

Ekaterina Ivanova

Child Support as Multiple Monies: Contribution, Duty, or Care?

Research on Fathers' Practices of Child Maintenance after Divorce

IVANOVA, Ekaterina —
Master Degree in Sociology,
European University at
Saint Petersburg Address:
10/3–1, Korolenko str.,
Saint Petersburg, 191028,
Russian Federation.

Email: eivanova@eu.spb.ru

Abstract

In many countries, divorced families are still characterized by insufficient involvement of fathers in the care of their children, and Russia is no exception. The issue is especially prominent when it comes to child support payments. This article discusses the ways that non-residential fathers in Russia pay child support. The analysis is based on 18 interviews with non-residential fathers living in Saint Petersburg and Moscow. The research shows that fathers practice a few distinctive modes of child support payment: alimonies (court-enforced payment), informal monthly payments, gifts, and *ad hoc* payments. Rather than choosing one option, fathers usually combine a few types of payment. V. Zelizer's theory of multiple monies has been used to analyze the results. Considering child support payments as multiple monies enables us to decipher multiple social nuances imparted through the father's method of payment: the performance of masculinity, the fulfilment of social norms, and attitudes towards care. J. Tronto's concept of "an ethic of care" has been applied in the article in order to distinguish between payments-as-care and payments implying alternate meanings.

Although child support payments are intended for the child, in most cases the mother is, by law, the recipient, bringing the issue of payments into the field of gendered financial power. The understanding of the gendered dimension of child support helps us to analyze fathers' non-payment. Fathers rationalize their choices by appealing to the ideology of intensive motherhood, which they use for legitimizing justification of (non-)payment.

Keywords: child support; fatherhood; fathering; gender; masculinity; care; divorce; non-residential fathers; parenting

References

- Anderson N. L. (2017) To Provide and Protect: Gendering Money in Ukrainian Households. *Gender & Society*, vol. 30, no 3, pp. 359–382.
- Arendell T. (1992) After Divorce: Investigations into Father Absence. *Gender & Society*, vol. 6, no 4, pp. 562–586.
- Ashwin S., Isupova O. (2018) Anatomy of a Stalled Revolution: Processes of Reproduction and Change in Russian Women's Gender Ideologies. *Gender & Society*, vol. 32, no 4, pp. 441–468.
- Avdeeva A. V. (2012) "Vovlechennoye ottsovstvo" v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det'mi ["Involved fatherhood" in Present-Day Russia: Childcare strategies]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 11, pp. 95–104 (in Russian).

- Bach A. S. (2017) The Ambiguous Construction of Nondominant Masculinity: Configuring the “New” Man through Narratives of Choice, Involved Fatherhood, and Gender Equality. *Men and Masculinities*. Available at: doi: [10.1177/1097184X17715494](https://doi.org/10.1177/1097184X17715494) (accessed 23 September 2018).
- Bradshaw J., Skinner C., Stimson C., Williams J. (2002) *Absent Fathers?* London: Routledge.
- Bhana B., Nkani N. 2014. When African Teenagers Become Fathers: Culture, Materiality and Masculinity. *Culture, Health & Sexuality*, vol. 16, no 4, pp. 337–350.
- Bryan D. M. (2013) To Parent or Provide? The Effect of the Provider Role on Low-Income Men’s Decisions about Fatherhood and Paternal Engagement. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, vol. 11, no 1, pp. 71–89.
- Carlson J., Kendall A., Edleson J. L. (2015) Becoming a Good Father: The Developmental Engine of First-Time Fatherhood. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, vol. 13, no 3, pp. 182–202.
- Cheng Y. E., Yeoh B. S. A., Zhang J. (2015) Still “Breadwinners” and “Broviders”: Singaporean Husbands, Money and Masculinity in Transnational Marriages. *Gender, Place & Culture*, vol. 22, no 6, pp. 867–883.
- Chernova Z. V. (2007) Model’ “sovetskogo” ottsovstva: diskursivnye predpisaniya [The Model of Soviet Fatherhood: Discursive Prescriptions]. *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskii podkhod: Kollektivnaya monografiya* [Russian Gender Order: Sociological Approach: Collective Monograph] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), St. Petersburg: EUSP Press, pp. 138–169 (in Russian).
- Chernova Z. V. (2013) *Sem ’ya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy projekt i praktiki privatnosti* [Family as a Political Issue: the Governmental Project and Practices of Privacy], St. Petersburg: European University at Saint Petersburg (in Russian).
- Christiansen S. L., Palkovitz R. (2001) Why the “Good Provider” Role Still Matters Providing as a Form of Paternal Involvement. *Journal of Family Issues*, vol. 22, no 1, pp. 84–106.
- Cook K., Natalier K. (2013) The Gendered Framing of Australia’s Child Support Reforms. *International Journal of Law, Policy and the Family*, vol. 27, no 1, pp. 28–50.
- Craig L. (2006) Does Father Care Mean Fathers Share? A Comparison of How Mothers and Fathers in Intact Families Spend Time with Children. *Gender & Society*, vol. 20, no 2, pp. 59–281.
- Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and the Family*, vol. 60, no 2, pp. 277–292.
- Doucet A. (2004) “It’s Almost Like I Have a Job, but I Don’t Get Paid”: Fathers at Home Reconfiguring Work, Care, and Masculinity. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*, vol. 2, no 3, pp. 277–303.
- Dudova R. (2006) Old Obligations in the Modern World: The Father as Provider Before and After Divorce. *Czech Sociological Review*, vol. 42, no 3, pp. 573–590.

- Elliott K. (2016) Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept. *Men and Masculinities*, vol. 19, no 3, pp. 240–259.
- Fitzpatrick S. (2008) *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoy Rossii v 30-e gody* [Everyday Stalinism. Social History of the Soviet Russia in the 30th Years], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).
- Gurko T. A. (2008) Alimenty: faktor kachestvennogo i kolichestvennogo vosproizvodstva naseleniya. [Child Support: the Factor of Qualitative and Quantitative Reproduction of Population]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 9, pp. 110–120 (in Russian).
- Gurko T. A. (2013) Otsovstvo v molodykh semyakh i posle razvoda. Aktualnyie problemy roditelstva v Rossii [Fatherhood in Young Families and after Divorce]. *Aktualnyie problemy roditelstva v Rossii* (ed. T. A. Gurko), Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 52–72 (in Russian).
- Henwood K., Procter J. (2003) The “Good Father”: Reading Men’s Accounts of Paternal Involvement During the Transition to First-Time Fatherhood. *British Journal of Social Psychology*, vol. 42, no 3, pp. 337–355.
- Huang C. C. (2009) Mothers’ Reports of Nonresident Fathers’ Involvement with Their Children: Revisiting the Relationship between Child Support Payment and Visitation. *Family Relations*, vol. 58, no 1, pp. 54–64.
- Ibragimova D. (2016) Den’gi, gender, vlast’ v domokhozyaystve: kontseptual’nye podkhody [Money, Gender, and Power in Households: Conceptual Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 116–145 Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/04/01/1126456877/ecsoc_t17_n2.pdf#page=116 (accessed 23 September 2018) (in Russian).
- Ivanova E. A. (2017) “Ya sebya ne otnoshu k khoroshim papam, v luchshem sluchaye, k normal’nym”: kak rossiyskiye muzhchiny konstruiruyut obraz “khoroshego ottsa” posle razvoda [“I don’t Consider Myself a Good Dad, at Best, an Average One”: How Russian Men Construct the Image of a “Good Father” after Divorce]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 20, no 5, pp. 132–150 (in Russian).
- Johansson T., Klinth R. (2008) Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions. *Men and Masculinities*, vol. 11, no 1, pp. 42–62.
- Jordan A. (2018) Masculinizing Care? Gender, Ethics of Care, and Fathers’ Rights Groups. *Men and Masculinities*. Available at: <https://doi.org/10.1177/1097184X18776364> (accessed 24 September 2018).
- Kay R. (2006). *Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change?* London: Routledge.
- Lamb M. E. (2000) The History of Research on Father Involvement: An Overview. *Marriage & Family Review*, vol. 29, no 2–3, pp. 23–42.
- Leite R. W., McKenry P. C. (2002) Aspects of Father Status and Postdivorce Father Involvement with Children. *Journal of Family Issues*, vol. 23, no 5, pp. 601–623.

- Lipasova A. (2016) Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 4, pp. 202–214.
- Municio-Larsson I., Pujol Algans C. (2002) Making Sense of Fatherhood: The Non-Payment of Child Support in Spain. *Making Men into Fathers* (ed. B. Hobson), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 191–212.
- Natalier K., Hewitt B. (2010) ‘It’s Not Just About the Money’: Non-Resident Fathers’ Perspectives on Paying Child Support. *Sociology*, vol. 44, no 3, pp. 489–505.
- Natalier K., Hewitt B. (2014) Separated Parents Reproducing and Undoing Gender through Defining Legitimate Uses of Child Support. *Gender and Society*, vol. 28, no 6, pp. 904–925.
- Ovcharova L. N. (ed.). (2010). *Determinanty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i faktory semeynogo neblagopoluchiya: rezul'taty panel'nykh issledovaniy* [Determinants of Reproduction Behavior and Factors of Family Disadvantages: Results of Panel Surveys], iss. 211, Moscow: Independent Institute for Social Policy (in Russian).
- Parreñas R. S. (2002) The Care Crisis in the Philippines: Children and Transnational Families in the New Global Economy. *Global Woman Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy* (eds. B. Ehrenreich, A. R. Hochschild), New York: Henry Holt and Company, pp. 39–54.
- Pasley K., Braver S. L. (2004) Measuring Father Involvement in Divorced, Nonresident Fathers. *Conceptualizing and Measuring Father Involvement* (eds. R. D. Day, M. E. Lamb), Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates., pp. 217–240.
- Patrick R., Cook K., Taket A. (2007) Multiple Barriers to Obtaining Child Support: Experiences of Women Leaving Violent Partners. *Just Policy: A Journal of Australian Social Policy*, no 45, pp. 30–37.
- Prokof'eva L., Valetas M.-F. (2002) Ottsy i ikh deti posle razvoda [Fathers and Their Children after Divorce], *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 6, pp. 111–115 (in Russian).
- Randles J. (2018) “Manning Up” to be a Good Father: Hybrid Fatherhood, Masculinity, and US Responsible Fatherhood Policy. *Gender & Society*, vol. 32, no 4, pp. 516–539.
- Rzhanitsyna L. S. (2010) Alimenty na detey kak element grazhdanskoy otvetstvennosti [Almonies for Children as an Element of Civic Responsibility]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 7, pp. 56–65 (in Russian).
- Rzhanitsyna L. S. (2012) *Alimenty v Rossii: Analiz problem i strategiya v interesakh detey* [Child Support in Russia: Analysis of Problems and Strategy in Children Interests], Moscow: IE RAS (in Russian).
- Rzhanitsyna L. S. (2015) Uluchshenie polozheniya detey v razvedennykh sem'yakh [Improvement of the Condition of Children in Divorced Families]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 3, pp. 65–69 (in Russian).
- Seltzer J. A. (1991) Relationships between Fathers and Children Who Live Apart: The Father’s Role after Separation. *Journal of Marriage and the Family*, no 53, pp. 79–101.

- Sinyavskaya O. V. (ed.). (2009) *Sem 'ya v tsentre sotsial'no-demograficheskoy politiki. Sbornik analiticheskikh statey* [Family in the Centre of Social-Demographic Policy. Analytical Volume], Moscow: Independent Institute of Social Policy (in Russian).
- Shevchenko I. O. (2015) Situatsiya posle razvoda: ottsy i deti [Situation after Divorce: Fathers and Children]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 3, pp. 70–77 (in Russian).
- Shpakovskaya L. L. (2013) Diskursivnye praktiki roditel'stva: politicheskie vyzovy i aktual'nye problem [Discursive Practices of Parenthood: Political Challenges and Current Issues], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no 1, pp. 236–249 (in Russian).
- Tach L., Mincy R., Edin K. (2010) Parenting as a “Package Deal”: Relationships, Fertility, and Nonresident Father Involvement Among Unmarried Parents. *Demography*, vol. 47, no 1, pp. 181–204.
- Townsend N. (2010) *Package Deal: Marriage, Work and Fatherhood in Men's Lives*, Philadelphia: Temple University Press.
- Trinder L. (2008) Maternal Gate Closing and Gate Opening in Postdivorce Families. *Journal of Family Issues*, vol. 29, no 10, pp. 1298–1324.
- Tronto J. C. (1993) *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*, London: Psychology Press.
- Utrata J. 2008. Keeping the Bar Low: Why Russia's Nonresident Fathers Accept Narrow Fatherhood Ideals. *Journal of Marriage and Family*, vol. 70, no 5, pp. 1297–1310.
- Vorontsova M. G. (2000) Uchastvuyut li ottsy v obespechenii detey? [Do Fathers Participate in Maintenance of Their Children?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, no 11, pp. 145–148 (in Russian).
- Willott S., Griffin C. (1997) Wham Bam, am I a Man?': Unemployed Men Talk about Masculinities. *Feminism & Psychology*, vol. 7, no 1, pp. 107–128.
- Yeung W. J., Sandberg J. F., Davis-Kean P. E., Hofferth S. L. (2001) Children's Time with Fathers in Intact Families. *Journal of Marriage and Family*, vol. 63, no 1, pp. 136–154.
- Zakharov S. V. (2008) Braki i razvody [Marriages and Divorces]. *Naselenie Rossii: Chetyrnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Population of Russia: Fourteen Annual Demographic Report] (ed. A. G. Vishnevskiy), Moscow: HSE Publishing House, pp. 71–97 (in Russian).
- Zakharov S. V. (2013) Rasprostranennost' razvodov “s det'mi” [Occurrence of Divorces with Children]. *Demoskop Weekly*, no 545–546 (March 4–17). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (accessed 24 September 2018) (in Russian).
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2007) Sovetskiy etakraticheskiy gendernyy poryadok [Soviet Etacritic Gender Order]. *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiy podkhod. Kollektivnaya monografiya* [Russian Gender Order: Sociological Approach. Collective Monograph] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), St. Petersburg: EUSP Press, pp. 96–137 (in Russian).

Zelizer V. A. (1996) Payments and Social Ties. *Sociological Forum*, vol. 11, no 3, pp. 481–495.

Zelizer V. (2004) *Sotsialnoe znachenie deneg: dengi na bulavki, cheki, posobiya po bednosti i drugie denezhnyie edinitsy* [The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief, and Other Currencies], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Received: August 11, 2018

Citation: Ivanova E. (2018) Alimenty kak mnozhestvennye den'gi: kontributsiya, obyazatel'stvo ili zabota? Issledovanie praktik sodержaniya rebenka ottsami posle razvoda [Child Support as Multiple Monies: Contribution, Duty, or Care? Research on Fathers' Practices of Child Maintenance after Divorce]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 4, pp. 101–133. doi: 10.17323/1726-3247-2018-4-101-133 (in Russian).